

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОЮЩИЙ АВТОМОБИЛЬ

Музыка антракта к четвертому действию оперы «Кармен». На экране — название фильма и состав действующих лиц:

Петя Говорков — шофер такси.

Клава Белкина — диспетчер в гараже.

Мать Говоркова.

Люся — сестра Говоркова, отличница, девочка 12 лет.

Альфред Тараканов — шофер.

Василий Фомич Македонский — руководитель оперного кружка в клубе транспортников, бывший оперный певец.

Работники гаража, кружковцы, жители коммунальной квартиры, оперные артисты, оркестранты и пр.

Музыка продолжается. Оперный театр. Ложи. Партер. Оркестр.

В оркестре «суровые будни». Арфистка читает роман. Перелистывает страницу, вытирает платочком глаза, вздыхает. Потом поворачивается к арфе, с печальным видом берет два длинных арпеджио и снова углубляется в занимательную, судя по всему, книгу.

Фаготист читает «Вечернюю Москву», Показывает второму фаготисту какую-то заметку. Оба значительно покачивают лысыми головами. Потом враз берутся за свои инструменты.

Дирижер с ужасом смотрит в угол оркестра, где перед попитром сиротливо лежит всякая ударная утварь. Оркестранта, орудующего этой утварью, нет.

Дирижер зажмуривает глаза и дает палочкой вступление тарелкам.

В эту, самую последнюю секунду из маленькой двери выходит оркестрант, вздымает тарелки и с пунктуальной точностью производит удар.

Дирижер бледно улыбается.

Оркестрант потрясает тарелками, держа их на вытянутых руках, потом, заглушив их, осторожно кладет на стул и, согнувшись, уходит в комнату отдыха.

Там его поджидает партнер за незаконченной партией в домино. За кулисами. На сцену бегут фигуранты и тореадор. За ним

поспешает алькад с плюшевой подушкой, на которой лежит шпага. Осветитель возится у своего прожектора. В будочке появляется суфлер и раскрывает клавир.

В артистической уборной готовятся к выходу; Эскамильо, высокий, тощий баритон, и Дон-Хозе, маленький, толстый тенор. Звуки музыки теперь еле слышны.

Появляется помощник режиссера.

По мреж. Василий Андреич, Николай Яковлевич, пожалуйста! Актеры выходят в коридор. Звуки музыки усиливаются.

Зрительный зал. Галерка. Боковые места, откуда все очень хорошо слышно, но виден только кусочек потолка с толстеньким гипсовым амуром.

Василий Фрмич сидит с раскрытым клавиром «Кармен» на коленях. Этот маленький старичок — отчаянный и бескорыстный почитатель оперы. Таких стариков можно увидеть на галерке любого оперного театра. Занимают они такие места, откуда нельзя увидеть и кусочка сцены. Но милым старикам не нужно видеть. Им нужно слышать. В руках у них обязательно клавир, в котором они делают весьма таинственные отметки. Они помнят всех певцов и певиц за последние пятьдесят лет, помнят наизусть все оперы, искренне радуются чужрму успеху и ужасно страдают, когда певцы фальшивят.

Василий Фомич слушает доносящиеся со сцены музыкальные фразы, блаженно улыбается и дирижирует воображаемым оркестром.

Увлечшись, он задевает рукой сидящего рядом с ним молодого человека, который мечтательно слушает, полузакрыв глаза. Молодой человек вздрагивает и отодвигается.

Василий Фомич, ничего не замечая, продолжает дирижировать. Потом принимается напевать. Молодой человек страдает, но терпит.

Зрительный зал.

Сцена.

За кулисами Кармен. В последний раз перед выходом она оправляет платье. Пробует голос. Потом выходит на сцену.

Арфистка перелистывает страницу романа.

Фаготист откладывает «Вечерку» и берет «Известия».

На сцене Хозе берет высокую ноту.

Молодой человек на галерке бурно аплодирует. Задевает Василия Фомича. Тот терпит.

Крохотный, толстенький тенор, обращаясь к высокой Кармен, поет: «Кармен, тебя я обожаю. Кармен, тебе я все прощаю...»

По правде говоря, это довольно комичное зрелище, но на боковых местах галерки, откуда, к счастью, ничего не видно, дуэт производит ошеломляющее впечатление.

Василий Фомич и его сосед забывают обо всем на свете.

Молодой человек, на лице которого написано умиление, под звуки арии: «У нас ведь было счастье...» — нежно берет соседа за руку. Василий Фомич этого не замечает. Он так увлечен музыкой, что даже не смотрит в свою партитуру. Полузакрыв глаза и прислонившись к плечу соседа, он мечтательно дирижирует левой рукой.

Внезапно Хозе берет неточную ноту. На лицах любителей появляется выражение страдания. Старик вдруг замечает, что молодой человек держит его за руку и что сам он прислонился к его плечу. Но опера идет дальше, и вскоре оба они снова чувствуют себя на вершине счастья.

Фасад оперного театра. Мимо проходят трамваи. Возле театра выстроились автомобили, поджидающие окончания спектакля.

Большой таксомоторный гараж. Справа от входа диспетчерская будка с окошечком, выходящим во внутренность гаража. У окна — Клава Белкина. Она очень мила, несмотря на то, что лицо ее носит следы некоторой косметической изощренности. Совершенно понятно, что жизненный путь такого существа не может не быть усеян разбитыми сердцами работников автомобильного транспорта.

Клава удивлена и раздосадована.

Перед ней стоит, широко разведя руки, Альфред Тараканов — личность во всех отношениях замечательная. Во-первых, он с усиками. Во-вторых, — в крагах. В-третьих, — в кепке, которая представляет собой последний крмк моды. Это сооружение сочетает в себе все достижения кепочной техники: клапаны непонятного назначения, особым образом укрепленные, гигиенические дырочки, предохраняющие от раннего облысения, кожаные ремешки, козырек обтекаемой формы и еще многие другие изобретения и усовершенствования девятнадцатого и двадцатого веков, для описания которых потребовалось бы слишком много места и времени.

Тараканов. Я так скажу. Один интересный брюнет исключительно влюблен в одну интересную девушку.

Клава (в смятении). Какую девушку?

Тараканов. Товарищ Белкина. В отношении девушки не скрою: девушка — это вы.

Клава (сдерживая смех). А брюнет?

Тараканов. Брюнет, товарищ Белкина, пожелал остаться неизвестным.

Клава. Ну, я пошла. (Делает движение, чтобы уйти.)

Тараканов (живо следует за ней). Спокойненько, Клавдия Васильевна, разговор еще далеко не окончен.

Клава. Ну, что еще?

Тараканов. Еще то, Клавдия Васильевна, что брюнет мечтает расписаться.

Клава. Ну, я пошла.

Тараканов. А что передать брюнету?

Клава. Передайте брюнету, что я люблю блондинов.

Тараканов. Этого я ему не могу передать.

Клава. Как хотите.

Тараканов. Ой, товарищ Белкина. Я знаю, кто эти блондины. Петька Говорков — вот кто эти блондины!

Снова театр. Дирижер потрясает палочкой. Переворачивает страницу партитуры. На ней написано: «Конец».

Аплодисменты.

Дирижер, сидя за своим пюпитром, вытирает платком потный лоб. Отнимает платок и видит... что в оркестре нет уже ни одного человека. Арфа и контрабасы накрыты чехлами.

Сдружившиеся любители оперы Василий Фомич и молодой человек идут в толпе, держа галоши над головой.

Василий Фомич. А помните в «Аиде» это место: ти-ри-ри-ри... (Напевает.)

Молодой человек (подхватывает). Та-ра-ра-ра... А это?
(Напевает.)

Василий Фомич (подхватывает). Ту-ру-ру-ру...

Новые друзья выходят из театра.

Молодой человек (застенчиво). А «Князя Игоря» вы знаете?

Василий Фомич (гордо). Запомните, юноша, нет такой оперы, которую я не знал бы наизусть.

В переулке около театра стоит занесенная снегом машина. К машине подходят Василий Фомич и его новый знакомый. Они что-то поют и размахивают руками.

Молодой человек останавливается возле машины, вынимает из кармана пробку от радиатора, «дворник» для очистки ветрового стекла и укрепляет все это на своих местах.

Василий Фомич (удивленно следит за его действиями). Это что, ваша?

Молодой человек. Такси, будь оно проклято!

Василий Фомич (разочарованно). Так вы шофер... А я думал — музыкант.

Молодой человек. Будешь тут музыкантом!... Вам куда ехать-то?

Василий Фомич. Мне недалеко... Отлично на двух трамваях доеду.

Молодой человек. Садитесь. Довезу даром. Как любителя музыки.

Василий Фомич. Бросьте, юноша. Не люблю благотворительности. У меня есть пять рублей. Будем ехать до тех пор, пока они не кончатся. А остаток доеду в трамвае.

Садятся в машину.

Василий Фомич. Ну, так что ж, давайте знакомиться, юноша. Моя фамилия Македонский, зовут Василий Фомич.

Молодой человек. А моя фамилия Говорков. Все-таки, знаете, приятно познакомиться с таким любителем.

Василий Фомич. Нужно, юноша, думать, прежде чем говорить. Я не любитель, милый мой. Я артист!

Говорков (испуганно). Вас куда прикажете везти?

Василий Фомич. В Сокольники.

Машина трогается. Мимо проносится московский пейзаж.

В автомобиле.

Василий Фомич. Все, дорогой мой, зависит от того, какой любитель. Есть любители-дилетанты. Такой за всю жизнь ноты не взял, а нахальства сколько! Обо всем он судит, все он знает: ах, фортиссимо, ах пианиссимо, ах, Верди, ах, Чайковский! А пойдя его

поскреби, эт#гд любителя. Ни черта он не смыслит. А почему? А потому, что музыку нужно играть, музыку нужно петь. Музыка нельзя разговаривать. Нет, я не любитель из публики. Я, юноша, тридцать лет пел на оперной сцене. Тенором! Тенором пел! Меня Собинов боялся!

Говорков (останавливая машину). Ах ты, боже мой. В первый раз в жизни разговариваю с оперным артистом. (Едет дальше.)

Василий Фомич. Нет, вы мне скажите вот что. (Разворачивает и листает партитуру.) Как мог этот болван Карабасов в этой фразе: «...цветок, что ты мне подарила» — открыть звук на лябемоль?! (Напевает.) Вот как это нужно петь.

Говорков. Правильно!

Василий Фомич. Что — правильно? Что вы там бормочете?

Говорков. Я, Василий Фомич, не знаю, какой там открытый звук, а какой, я, конечно, извиняюсь, закрытый. Только я бы спел так. (Поет.)

Василий Фомич. Дальше, дальше. (Кладет раскрытую партитуру на счетчик и, нежно дирижируя, слушает.)

В гараже. Тараканов все еще стоит перед Клавой, растопырив руки.

Тараканов. Клавочка! Клава! Клавдия Васильевна! Товарищ Белкина! Разговор еще не окончен! У него комната в малонаселенной квартире, личный телефон в коридоре, центральное отопление, ванна. Там можно белье стирать.

Клава. Ну и стирайте.

Тараканов. У вас сердца нет, товарищ Белкина!

Звонит телефон.

Клава. Гараж таксомоторов. Машина? Есть. Сейчас выезжает. Номер машины 79-16. (Вешает трубку. Выписывает наряд и протягивает его Тараканову.)

Тараканов (беря наряд). Что же это? Значит, мы только знакомы?

Клава. Да\ Только знакомы.

Тараканов. Как странно! (Гордо улыбается, садится в свою машину и выезжает из гаража.)

Клава задумчиво смотрит в пространство.

Машина Говоркова, петляя, медленно движется по заснеженному переулку. Все время слышен его голос. Он все еще поет. Часы на Спасской башне показывают 12 часов 40 минут.

В гастрономическом магазине спускают шторы.

В автомобиле.

Василий Фомич. А вот Альфреда я спел в первый раз в 1889 году. (Закрыв глаза, напевает.) Помните то место, где Виолетта... помните?.. (Поет арию колоратурного сопрано.)

Говорков поет следующую фразу Альфреда. Василий Фомич отвечает за Виолетту. Говорков берет си-бемоль.

Машина въезжает на мост. И нота слышна до тех пор, пока машина не проехала мост и не скрылась из виду.

Электрические часы на трамвайной остановке показывают 2 часа 30 минут.

Большой угловой дом, в котором светится одно окно. Свет в нем гаснет.

В автомобиле Говорков поет полным голосом одну арию за другой. Василий Фомич сопровождает его пение всеми возможными видами аккомпанемента, имитируя голосом все инструменты от контрабаса до флейты. При этом он восторженно смотрит на Говоркова.

Машина движется то быстро, то медленно. Иногда она останавливается. Иногда резким толчком прыгает вперед, чудом огибает препятствия и даже переезжает тротуары на углах.

Клавир по-прежнему покоится на счетчике.

На ночном столике в чьей-то комнате бешено звонит будильник. .Мрачный человек с обвислыми усами, в кальсонах подпрыгивает на постели. Будильник показывает пять часов.

В темном доме, мимо которого проезжает сейчас поющий автомобиль, зажигается одно окно.

Чудесное зимнее московское утро. Если бы это было возможно, снег здесь следовало бы сделать голубоватым.

В автомобиле. Говорков берет последнюю ноту арии, которую он только что пел. Эта нежная и точная нота великолепна. Она поразительна еще и тем, что берет ее небритый человек в толстой полосатой кепке, руки которого покоятся на руле.

Василий Фомич. Сколько вам лет, юноша?

Говорков. Двадцать два года.

Василий Фомич (торжественно). Через год вы будете петь в Государственном ордена Ленина академическом Большом театре!

Совершенно обалдевший Говорков с ужасом смотрит на Василия Фомича.

Партитура падает. Перед глазами новых друзей, как жерло орудия, возникает счетчик, на котором жирными белыми цифрами значится: сто семьдесят восемь рублей.

Часть вторая

КОНЕЧНО, ЛЮБОВЬ

Утро в большой, тесной коммунальной квартире. Кухня — мрачное место квартирных раздоров. С адским гудением горят двенадцать примусов, стоящих на двенадцати кухонных столиках. Варятся двенадцать супов. Из кастрюль валит пар. Перед столиками — двенадцать домашних хозяек. Среди них — круто завитая дама с железными папильотками, в японском халате со страшным драконом на толстой спине и в валенках; старушка в платке; грязная девчонка, стоящая на табуретке, а также дама учительского вида, в очках, в английской блузке и галстучке, который лежит на ее громадной груди почти горизонтально. Весь этот пестрый кухонный конгломерат бодро переругивается.

Из-за гудения примусов ничего не слышно, но по ужасной жестикуляции спорящих видно, что ссора зашла далеко.

Дама с драконом внезапно настораживается и машет руками.

Домашние хозяйки замолкают. Слышно только гудение примусов.

Дама с драконом. Поет!

Домашние хозяйки, как по команде, поворачивают краники своих примусов. Они гаснут. Теперь в кухне тишина. И в этой тишине слышен голос, поющий песню «Вдоль по улице метелица метет».

Ванная комната в той же квартире. Над умывальником прибиты двенадцать полочек, и на каждой из них по стакану, зубной щетке и мыльнице. Перед умывальником, голый по пояс, моется Говорков, опоясанный полотенцем. Он поет. С намыленным лицом он простирает руки вперед, как будто перед ним толпа восторженных зрителей. Он поет всерьез, полным голосом. Здесь, в ванной, нет и следа его вчерашней застенчивости. Здесь он — гордый и счастливый баловень публики. Взяв высокую ноту, он долго всматривается в маленькое зеркало, висящее на стене между полочками.

Кухня. Пение звучит здесь немного тише. Теперь в кухне царит мир. Крупица искусства, проникшая в эту отравленную враждой атмосферу, растопила двенадцать ожесточенных сердец. Домашние хозяйки и домашние работницы слушают с упоением и ласково улыбаются друг другу. Толстуха с горизонтальным галстуком роняет на пол иголку для прочистки примуса, и тогда — совершается невероятное — дама с драконом нагибается, поднимает иголку и с лучезарной улыбкой подает ее толстухе.

Продолжается пение. Одна из комнат квартиры. Старичок в полувоенном костюме собрался натянуть сапог, но так и не сделал этого. Он слушает пение, держа сапог в руке.

«Ты постой, постой, красавица моя...» — Выводит голос.

В другой комнате, которая видна через раскрытую из коридора дверь, застыла с поднятыми вилками в руках завтракающая семья.

«...Дозволь наглядеться, радость, на тебя», — продолжает голос.

Муж смотрит с нежной улыбкой на свою далеко уже не молодую жену.

Снова в ванной. Говорков поет последний куплет песни. Он увлечен своим пением. Взяв последнюю ноту, прижимает руки к груди и грациозно раскланивается, глядя на себя в зеркало.

Неожиданно раздаются аплодисменты. Говорков вздрагивает.

Аплодируют в кухне и в тех комнатах, где только что слушали пение.

Крадучись, Говорков выходит из ванной. Он совершает свой путь по коридору на цыпочках, стараясь никому не попадаться на глаза.

Входит в комнату. Строгая девочка двенадцати лет, сестра Говоркова — Люся, высунув язык, выводит что-то в своей тетрадке. Потом она встает и начинает собирать книги. Она торопится в школу.

Люся (с явно заимствованными у кого-то интонациями житейской мудрости). Опять на работу опоздаешь, горе мое.

Говорков (надевая пиджак). Ладно, ладно, раскудахталась!

В комнату входит мать Говоркова с чайником. Это та самая старушка, которую мы видели на кухне. После первой же ее фразы становится ясно, у кого заимствовала Люся свои интонации...

Мать. И спишь не вовремя, и ешь не вовремя. Небось вчера опять был в театре, горе ты мое.

Говорков. Ладно, ладно, раскудахтались! (Торопливо пьет чай.)

Люся. В нашем классе у Вари Никитиной — отец стахановец. У Лели Щукиной — брат кривonosовец, у Федьки Сибирякова — дядя депутат, а у Нины Медведевой — мама орденосеца...

Говорков (уныло). Ладно, ладно, раскудахталась.

Мать. Правду Люсечка говорит. Посмотри на своих товарищей, приятелей. Пантелей тоже гармонист-любитель, тоже музыкой занимается, доставляет людям удовольствие. И что же? Стахановец! За последний месяц выработал страшно сказать сколько! Мне Аграфна Васильевна говорила.

Говорков (язвительно). А что вы скажете, мама, если ровно через год ваш сын Петр Васильевич Говорков будет петь в Государственном ордене Ленина академическом Большом театре.

Мать. Никакого тебе ордена Ленина не дадут, если не будешь выполнять план.

Говорков (проникновенно). Вы, мама, ничего не понимаете. Сказал бы я вам, но лучше пока помолчу. Пошли, Люська.

Говорков и Люся выходят на улицу.

В ворота гаража входят шоферы и вешают на табельную доску номерки.

Некоторые из них, те, что помоложе, с тою же деловитостью, с какой они только что вешали номерки, подходят к окошечку Клавы и с поклоном кладут на подоконник свои скромные подношения — кто цветочек, кто шоколадную палочку, кто пирожное в бумажке. Один из них с чарующей улыбкой подносит Клаве крошечного плюшевого медвежонка, которого она тотчас же прикалывает на грудь. Все это, видимо, стало в гараже традицией.

Тараканов медленно приближается к окошечку Клавы и торжественно ставит перед ней большой флакон тройного одеколona.

Клава. Я же вам сколько раз говорила, товарищ Тараканов, неудобно делать такие дорогие подарки. Вот, ей-богу, не возьму.

Тараканов. В части подарков, Клавдия Васильевна, выражение чувств есть обязательное условие. Согласно теории сохранения личности и других авторитетов — одеколон не роскошь, а предмет ширпотреба и культурной жизни.

Он с достоинством кланяется и отходит к своей машине. Это единственный в гараже «Зис», что, разумеется, делает его водителя заметной фигурой. Тараканов прислоняется к автомобилю, стремясь слиться с ним в одно прекрасное целое. Поза его исполнена мрачного великолепия.

Но Клава не смотрит на него. Ее взгляд обращен к двери, в которую входит Говорков. Он вешает свой номерок в последнюю минуту. Сторож захлопывает табельную доску.

Говорков робко подходит к Клавиному окошку. Он откашливается, хочет что-то сказать, мнетяся — и сейчас же опрокидывает бутылку с одеколоном. Бутылка разбивается.

Тараканов вздрагивает.

Тараканов (глухо). Смейся, паяц, над разбитой любовью!

Клава смеется. Говорков в смущении идет к своей машине и поспешно лезет под нее с гаечным ключом.

Тараканов (вдогонку). Изверг рода человеческого! Петлюра!

Между тем жизнь в гараже идет своим чередом. В диспетчерской звонит телефон. Клава то и дело берет трубку, кричит в окошко фамилию шофера, и очередная машина выезжает на улицу.

В конца концов в гараже остаются только Тараканов, который стоит все в той же горделивой позе, и Говорков, все еще лежащий под машиной.

Звонит телефон.

Клава (снимает трубку). Гараж таксомоторов. Машина? Есть. Сейчас выезжает. Выходите через семь минут. Сейчас скажу номер.

Она смотрит в гараж. Видит Тараканова и ноги Говоркова, торчащие из-под машины. Секунду думает.

Клава. Запишите. Номер машины 79-16. (Вешает трубку. Высовывается из окошка.) Товарищ Тараканов. Получите наряд.

Тараканов (подходит). Судьба есть жизненный стимул в разрезе научных споров. Но я спокоен, понимая свое преимущество. (Берет от слегка испуганной Клавы наряд.) Пока!

Садится в свой «Зис» и уезжает.

Только теперь Говорков выглядывает из-под машины.

В гараже пусто. Сквозь окна, как в церкви, падают косые солнечные лучи

Клава. Петя, идите сюда, я вам вытру щеку. Вы немножко запачкались тавотом.

Говорков смущенно подходит. Клава вытирает ему щеку платочком. Говорков берет Клаву за руку.

Говорков. Клава... (Пауза.)

Клава (замирая). Что — Клава?

Говорков. Клавочка...

Звонит телефон.

Клава (берет трубку, металлическим голосом). Нет машин. Вешает трубку.)

Говорков. Клава... Вы не рассердитесь, что я вас спрошу?

Клава. А когда я на вас сердилась, Петя?

Говорков. А позавчера?

Клава. Это не на вас, а на Тараканова.

Говорков. А я думал, что что вы на меня. (Пауза.)

Клава. Ну, говорите.

Говорков. Я давно хотел вам сказать...

Звонит телефон. Клава хватается трубку.

Клава. Машин нет. Не знаю. (Вешает трубку.)

Говорков. Все хотел и... не решался... Я... вас...

Звонит телефон. Клава срывает трубку.

Клава. Нет, это не гараж! (Бросает трубку.)

Говорков (в полном отчаянии). ...Я вас хотел попросить... Вы тут неправильно написали мне в наряде... шестнадцатого, а не — семнадцатого.

Клава молча внимательно смотрит на совершенно уже потерявшегося и глубоко несчастного Говоркова. Вздыхает.

Звонит телефон. Клава решительно берет трубку.

Клава. Гараж таксомоторов. Машина? Есть. Пожалуйста. Сейчас высылаю. Номер 30-01. Выходите через пять минут.

Быстро пишет и протягивает Говоркову наряд.

Развинченной походкой неудачника он направляется к своей «шине. Садится в нее. Но когда он нажимает стартер и машина

начинает дрожать, в нем просыпается решимость. Скорости он переводит как человек, исполненный силы.

Машина делает два круга по пустому гаражу и резко останавливается у окошка Клавы.

Говорков (кричит, открыв дверцу). Клава! Я вас люблю!
Клава потрясена.

Говорков захлопывает дверцу.

Машина с воем выезжает из гаража.

Клава с блаженной рассеянной улыбкой сидит в своей будочке, откинувшись на стуле.

Звонит телефон.

Клава не глядя снимает трубку, медленно кладет ее на стол и мечтательно произносит, глядя в пространство.

Клава. Машин нет.

Крупным планом на полу осколки таракановского флакона.

Часть третья

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

В гараже на другой день.

Несколько машин, из-под которых торчат ноги.

Вбегает Василий Фомич. Что-то ищет, потом подбегает к первой машине, разглядывает ноги, тербит их.

Из-под машины показывается маленький, тощий, черномазый человек.

Василий Фомич. Почему не на репетиции? А еще Онегин!

Онегин. Картер не в порядке! Василий Фомич, через пять минут буду. (Бежит в раздевалку, напевая «О, жалкий жребий мой!..»)

Василий Фомич подходит к следующей машине и вытаскивает за ноги толстенькую девушку с перепачканным лицом.

Василий Фомич. Ай-яй-яй, Настенька! Смена кончилась час тому назад, а вы в таком виде. Ведь вам два часа мыться нужно.

Настя. Ух, и люблю же я вас, Василий Фомич! Прямо сил нет! (Чмокает *Василия* Фомича в щеку, оставляя на ней черный след.)

Раньше вас буду!

Убегает, напевая «Я не способна к грусти томной».

Василий Фомич трогает щеку, качает головой, улыбается. Потом идет к следующей машине и вытаскивает из-под нее Тараканова.

Василий Фомич. Вот тебе раз! А где Говорков?

Тараканов. Петька Говорков?

Василий Фомич. Да! В семь часов репетиция.

Тараканов (смотрит на часы и зловеще улыбается). Антр-ну?

Василий Фомич (нетерпеливо). Ладно, ладно, где он?
Тараканов. Тайна, папаша, покрытая мраком. Но для вас...
(Берет *Василия Фомича под руку* и ведет за собой.)

Из диафрагмы.

Клава и Говорков сидят на скамеечке заснеженного сквера.
Из уст влюбленных валит такой пар, что на секунду заволакивает их лица.

Клава. Чудачок, почему ты сразу тогда не сказал?

Говорков. Я боялся.

Клава. А почему ты потом не боялся?

Говорков. А потом я не боялся.

Клава. А теперь ты не боишься?

Говорков. Теперь я не боюсь. А ты тогда боялась?

Клава. Я никогда не боялась.

Говорков. А ты меня первого полюбила?

Клава. Помнишь, когда ты только поступил в гараж, я на тебя,
как дура, накричала?

Говорков. Мы никогда не будем ссориться, правда?

Клава. Тебе не холодно?

Говорков. Я почему-то думал, что никогда не женюсь.

Клава. А разве ты хочешь на мне жениться?

Говорков. Как? Разве я тебе не сказал? Вот спую Ленского,
а потом пойдем распишемся.

Клава. Какого Ленского? Где?

Говорков (скороговоркой). В «Евгении Онегине», в Государственном ордена Ленина академическом Большом театре.

Клава. Ты сумасшедший.

Говорков. Ничего я не сумасшедший. (Пауза.) Есть один старичок...

Посередине улицы Тараканов за руку ведет Василия Фомича. Они подходят к скверу. Тараканов указывает Василию Фомичу на Говоркова и Клаву, сидящих на скамейке.

Клава. Ну, посчитай сам. Ты никогда и четырехсот рублей не вырабатываешь. Да мои двести тридцать. Да твоя мама, да твоя сестра, да еще моей бабушке надо посылать в Подольск. Трудно прожить на такие деньги.

Говорков. Ты мне, Клава, скажи прямо: ты веришь, что я буду артистом?

Клава. Некоторые в гараже вырабатывают больше тысячи...

Говорков. Ну Клава, ну давай попробуем, подожди только три месяца. Спую Ленского у нас в клубе, и тогда все решится. Может, я действительно балда. Тогда я брошу думать о пении. И буду зарабатывать деньги. Ты, Клавочка, главное дело — не беспокойся, нас с тобой никто никогда не разлучит.

Произнося эти слова, Говорков делает широкий жест левой рукой.

Неожиданно из-за кадра протягивается рука Василия Фомича, хватая руку Говоркова и вытаскивает его из кадра.

Оцепеневшая Клава остается сидеть на скамейке.

Ей видно, как Василий Фомич уволокивает сопротивляющегося Говоркова. Говорков успевает крикнуть ей, показывая на часы:

— Ровно в десять встретимся на балу!

При выходе из сквера Василий Фомич и Говорков проходят мимо Тараканова. Он некоторое время смотрит им вслед, потом подкручивает усы и направляется в сторону Клавы.

Надпись: В КЛУБЕ ТРАНСПОРТНИКОВ.

Вместе с громкими звуками настраиваемых инструментов на экране возникает театральный зал, где есть настоящая сцена, настоящее углубление для оркестра, ряды настоящих театральных кресел и даже лира на суфлерской будке. Но только все здесь маленькое.

Разместившаяся в оркестре и зале публика представляет собой собрание немного странных, но чрезвычайно симпатичных людей. Среди них седоусые старики, молодые девушки, зрелые мужи и юнцы, не достигшие призывного возраста. Всех их объединяет

музыка. Они играют, поют, настраивают инструменты, канифолят смычки, о чем-то спорят над партитурой; некоторые танцуют, разучивая па вальса.

На стене плакат:

**РЕПЕТИЦИЯ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»
СОСТОИТСЯ СЕГОДНЯ В 17 час.
ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА.**

Онегин обходит всех присутствующих, показывая им очень древний и очень пышный лорнет.

Онегин. Семь рублей! Купил в комиссионном магазине. Красота?!

Подходит к зеркалу и начинает практиковаться в обращении с ним инструментом. На его лице нестерпимая важность. Лорнет он держит в кулаке.

Настенька подбегает к нему.

Настенька. Ну кто так держит? Вот как надо! *(Показывает,)* Отгни пальчик. *(Отгибает Онегину мизинец.)*

Онегин *(восхищенно)*. Откуда она все знает?

Настенька. Знаю, и все! Какой должен быть Онегин? *(Ломя бывает, каким, по ее мнению, должен быть Онегин.)*

Распахивается дверь, и в зале появляются Василий Фомич и Говорков. Все замолкают.

Василий Фомич молча тащит Говоркова через весь зал к фортепьяно. На лицах кружковце! — удивление и любопытство.

Василий Фомич (Говоркову, шепотом). Ну, что споем? «Я люблю вас, Ольга...»?

Говорков. Ей-богу, Василий Фомич... При публике... Я ведь никогда в жизни... Ведь в первый раз...

Василий Фомич (не слушая Говоркова, кружковцам, торжественно). Друзья мои! Вы присутствуете при рождении таланта! Вам говорит это старик Македонский! А старик Македонский когда-нибудь ошибался?

Почтительное молчание. Говорков, стыдясь, переминается с ноги на ногу.

Василий Фомич. Да, ошибался! Но это, друзья мои, ровно ничего не доказывает! Колумб тоже ошибался. Ехал в Индию, а приехал в Америку. Но Америка — это тоже неплохо? А?

Настенька (как первая ученица). В Южную Америку, Василий Фомич.

Онегин (всплескивает *руками*). Откуда она все знает?

Василий Фомич. Запомните этот день, друзья! (Играет интродукцию к арии «Я люблю вас, Ольга».)

Говорков тихо поет первую фразу.

Василий Фомич аккомпанирует, блаженно полузакрыв глаза. На лицах слушателей благоговение.

Внезапно раздается страшный грохот, подобный обвалу в горах. Все вздрагивают. И без того испуганный Говорков замолкает. Звуки горного обвала продолжаются, но сейчас уже можно разобрать, что с горы катятся тяжелые музыкальные инструменты — геликоны, барабаны, тарелки.

Василий Фомич сидит за роялем, по-прежнему полузакрыв глаза. Потом бьет кулаком по клавишам и вскакивает. Он в ярости.

Онегин. Давить таких надо!!! Мало им, что они нашего барабанщика украли!

Кружковцы, размахивая смычками и флейтами, предводительствуемые Василием Фомичом, подкрадываются к двери. Онегин пинком ноги распахивает ее.

В фойе клубного театра, на эстраде, под плакатом «Экономьте электроэнергию!» репетирует самодеятельный джаз-банд. Все джаз-кружковцы в своих обычных костюмах, кроме дирижера, одетого с пышностью гостиничного швейцара. На его молодой, простодушной физиономии устроены испанские бачки, которые, как видно, должны являться символом европейской цивилизации.

Джаз наяривает варварскую переработку той самой арии Ленского, которую только что пел Говорков.

По мере того как воинство Василия Фомича приближается к эстраде, джаз играет все тише.

Когда Василий Фомич подходит к самой эстраде, адская музыка замолкает и дирижер оборачивается.

Василий Фомич (проникновенно). У вас есть совесть?

Дирижер. Что значит — у меня есть совесть?

Василий Фомич. Почему вы не хотите репетировать в гимнастическом зале?

Дирижер. Почему — в гимнастическом зале?

Василий Фомич. Потому что вы нам мешаете!

Дирижер. Что значит — мы вам мешаем? А вы нам не мешаете?

Василий Фомич. Хорошая музыка, юноша, никогда никому не мешает.

Дирижер. Почему же вам мешает мой джаз?

Джазкружковцы одобрительно смеются.

Василий Фомич (визжит). Потому что у вас плохой джаз! И плохой вкус. Иначе бы вы не кромсали бессмертное творение Петра Ильича Чайковского... (Задыхается и прикладывает руку к сердцу.)

Теперь одобрительно галдят оперные кружковцы.

Дирижер. Что значит — кромсать Петра Ильича? Лучше сделать из него хороший танец, который будут танцевать широкие массы трудящихся, чем делать плохую оперу, которую никто не придет слушать!

Джазкружковцы берут реванш. Они надрываются от хохота.

Василий Фомич. Замолчите! Или... или...

Дирижер. Или что?

Онегин (вырывается вперед). Иль я убью вас!

Василий Фомич (рассудительно). Подождите, мы всегда успеем это сделать. Ему нужно разъяснить. (Лезет на эстраду и хватает дирижера за серебряный лацкан.) Дорогуша! Я же сам танцую. Джаз — это здоровое развлечение, и глупо против этого возражать. Но он не должен становиться на пути святого... святого... Вы слышите, юноша? Святого искусства!

Дирижер. Что значит — святого искусства? Что значит — становиться на пути?

Василий Фомич (ледяным голосом). А то значит, что вы при помощи подлых интриг забрали у нас единственного барабанщика. (Обращается к ударнику джаза.) Костя! Сейчас же на репетицию! Слышишь?

Костя, мальчик лет пятнадцати, веснушчатый и вихрастый, сидит среди странных предметов своего ремесла: барабана с надписью «Автоджаз», треугольников, колокольчиков, трещоток и прочего. Он робко "приподнимается.

Дирижер. Костя! Сиди на месте!

Костя садится.

Василий Фомич. Костя, чему ты можешь здесь научиться? Подкидывать палочки? А я научу тебя музыке. Я достану литавры. Я сделаю тебя великим артистом.

Костя приподнимается.

Дирижер. Идите, идите, Костя, там вас научат. Идите, мальчик, вы там хлебнете горя. В опере барабанщик — последний человек. А в джазе — это король!

«Король», потоптавшись немного и шмыгнув носом, садится.

Василий Фомич. Костя! Если ты настоящий музыкант, сердце должно подсказывать тебе, где твое место!

Костя приподнимается, но его хватает за плечи саксофонист и усаживает.

Оперные кружковцы с воплями лезут на эстраду и тащат барабанщика за собой.

Джазкружковцы пытаются его отбить. Начинается свалка, в результате которой побеждают численно превосходящие противника оперные кружковцы. Они увлекают Костю в свой зал.

Дирижер. Я буду жаловаться. Я поставлю этот вопрос на правлении клуба.

Он бежит к двери в коридор. Джазкружковцы бегут за ним, размахивая своими инструментами.

Вся компания рысью бежит по коридору, взбегает по лестнице и врывается в зал, над входом в который два человека прикрепляют хвойные гирлянды, образующие слова «Полярный бал».

В зале идут приготовления к сегодняшнему вечеру: развешивают портреты полярников, натирают воском паркет.

Заведующий клубом при помощи пульверизатора перекрашивает в белый цвет чучело бурого ресторанного медведя.

Джазисты окружают заведующего с криком: «Барабанщика увели!»

Из затемнения — потное счастливое лицо Василия Фомича. Он ведет репетицию сцены бала из «Евгения Онегина».

Оркестр состоит из трех скрипок, одной виолончели, одного контрабаса, флейты, кларнета, тромбона, трубы, фисгармонии, фортепьяно и турецкого барабана. По существу, здесь даже нечем дирижировать, но экспрессии, с которой Василий Фомич делает свое дело, хватило бы на Государственный симфонический оркестр СССР в составе ста тридцати человек.

В момент наиболее бурный и патетический Василий Фомич неожиданно стучит палочкой по пюпитру. Наступает тишина.

Василий Фомич (со змеиными интонациями в голосе обращается к *первому скрипачу*). Как вы сыграли, юноша? Сыграйте это один.

Скрипач, старичок бухгалтерского типа, дрожащим смычком играет злополучную фразу.

Василий Фомич. Теперь я покажу вам, как это нужно сыграть! (Берет у него *скрипку* и повторяет ту же фразу.)

Потом отдает скрипку, и оркестр играет следующую фразу. Через минуту Василий Фомич опять стучит палочкой. Делает страшное лицо.

Василий Фомич (виолончелисту). Что это? Что это такое? Черт бы вас подрал! Чем вы произвели этот позорный звук?

Виолончелист. Виолончелью.

Василий Фомич. А вы знаете, юноша, что означает по-итальянски ви-о-лон-челло?

Виолончелист (подумав). По-итальянски? Не знаю.

Василий Фомич. Скрипка небес... Небес! "Вот что это значит. Этот инструмент должен петь, а он у вас хрипит. (К оркестру.) Ну, дети, начали! Четыре такта от «Пэ». (Взмахивает палочкой.) Музыка продолжается.

Оркестр играет пианиссимо. На лице Василия Фомича разлита нежность. Он дирижирует с лебединой грацией. Он даже слегка подпевает от избытка чувств. Неожиданно барабанщик, который некоторое время шевелил губами, считая такты, решил, что ему пора вступать, и со страшной силой ударяет по своему барабану. В оркестре смятение. Василий Фомич силится что-то сказать, потом руки его опускаются, и он вдруг начинает плакать.

Оркестранты встают со своих мест и, протягивая вперед смычки и инструменты, кричат жалобными голосами:

— Ну Василий Фомич! Ну товарищ Македонский! Ну он больше не будет.

Василий Фомич встает, шатаясь и ничего не отвечая оркестрантам, поворачивается к зрительному залу и видит, как в дверь входит ужасная процессия — дирижер джаза, завклубом и джазкружковцы. Они подходят к барьеру оркестра, и завклубом величественно протягивает руку в сторону барабанщика.

Завклубом. Взять его!

Джазкружковцы подхватывают барабанщика под руки и вытягивают его из оркестра.

Завклубом, Стыдно вам, товарищ Македонский, срывать культмассовую работу в день такого важного мероприятия, как полярный бал.

Василий Фомич. История нас рассудит, товарищ Бабашкин!

Процессия уходит. Василий Фомич поворачивается к кружковцам.

Василий Фомич. Друзья мои! Искусство требует жертв. Будем репетировать под рояль.

Репетиция продолжается.

Группа кружковцев громко поет, обступив румяного усатого молодца, который стоит в позе Афродиты, выходящей из пены: «Мусье Трике, мусье Трике, шанте ву силь ву пле купле!»

Пока идет эта сцена, Василий Фомич бегаёт от пианистки к артистам и обратно. Он волнуется, размахивает руками, хватается за свои чуткие музыкальные уши.

Говорков, стоящий в углу сцены, смотрит на часы.

Пианистка играет вступление к куплетам Трике. Василий Фомич дирижирует. Румяный усатый молодец, страшно волнуясь, начинает петь: «О, как приятен этот день...»

Клава перед зеркалом. Это такая милая и хорошенькая девушка, что ее не могут испортить даже косметические ухищрения, которыми она занята.

Она щурит глаза и, передернув плечом, говорит воображаемому собеседнику:

— Вы с ума сошли!

Перед зеркалом — Альфред Тараканов. Он прихорашивается. Его комнатка наполнена автомобильными частями, которые использованы не по назначению. Автомобильный поршень служит здесь пепельницей, фара заменяет настольную лампу. А «дворник» для очистки ветрового стекла укреплен за окном. Он приводится в движение сложной системой рычагов.

Тараканов заканчивает свой туалет — изощренный туалет сердца и обольстителя.

Снова репетиция. Василий Фомич с проворством опытного балетмейстера показывает кружковцам па вальса. Потом хлопает в ладоши. Пианистка ударяет по клавишам. По сцене кружатся пары.

Василий Фомич показывает Говоркову, как должен вести себя ревнующий Ленский.

Говорков тоскливо смотрит на часы.

В танцевальном зале кружатся в фокстроте первые пары.

Клава, стоящая у стены, смотрит на часы.

Снова репетиция. Говорков стоит возле стула, на котором сидит девушка, исполняющая партию Ольги, и, поглядев на часы, начинает петь.

Говорков. «Все котильоны, все вальсы с Онегиным вы танцевали. Я приглашал вас, но был отвергнут...»

Девушка. «Ревнуешь ты напрасно. Мы так болтали с ним. Он очень мил».

Говорков. «Да-а-аже мил!..»

Девушка. «Из пустяков ты сердишься...»

Говорков. «Котильон со мной танцуешь ты?»

Онегин (появляясь из-за стула Ольги). «Не-э-эт, со мной! Не правда ль, слово вы мне дали?»

Девушка. «И сдержу я слово... Вот вам наказание за ревность вашу...».

Говорков. «Ольга!..»

Девушка. «Ни за что...».

Ольга пускается в пляс с Онегиным.

Вместо того чтобы согласно замыслу автора либретто оперы Модеста Чайковского следить за ними ревнивым взором, Говорков смотрит на часы и нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

Полярный бал.

Клава смотрит на часы. Она рассержена. К ней подходит Тараканов, и она, вздохнув, идет с ним танцевать.

Репетируют сцену ссоры.

Василий Фомич (хватаясь за голову). Ну кто так ревнует? Так на почте покупают марки! (Отталкивает Говоркова. Показывает. Поет.) «Пусть господин Онегин мне объяснит свои поступки...»

Говорков. «Пусть господин Онегин мне объяснит свои поступки... Он не желает этого? Тогда пусть примет он мой вызов...»

Онегин. «Вы безумны!»

Говорков. «А вы... вы... вы... бесчестный соблазнитель!»

Все присутствующие и * сцене (под управлением Василия Фомича). Ах!

Здесь Ленскому по ходу действия требуется перчатка. Кто-то из стоящих на сцене протягивает Говоркову шоферскую рукавицу на меху и с раструбом. И он кидает ее к ногам «бесчестного соблазнителя» — черномазого человека с горящими глазами.

Бальный зал.

Клава танцует с Таракановым.

Тараканов. Я, Клавдия Васильевна, в части семейной жизни человек нежный и категорический, и я требую чуткого отношения к человеку.

Клава (жалобно). Вы с ума сошли! (Она не смотрит на Тараканова, а водит глазами по залу, ища кого-то.)

На сцене Говорков поет арию Ленского «В вашем доме...». Василий Фомич сияет. Краснощекая девушка, исполняющая партию старушки Лариной, смотрит на Говоркова с восхищением.

Говорков кончает арию. Все ему аплодируют. Аплодирует даже Василий Фомич.

Василий Фомич. Отлично, отлично! Теперь всю сцену сначала.

Говорков (с ужасом смотрит на часы). Василий Фомич, мне пора.

Василий Фомич. Что — пора? Как — пора? Куда — пора?

Говорков (гоном школьника). Ей-богу, Василий Фомич, у меня мама больна... и производственное совещание... и...

Василий Фомич. Стыдно, стыдно, стыдно, юноша! А еще хотите стать певцом. Певцом хотите стать. Певцом! Идите. Я вас не задерживаю.

Кружковцы стоят, потупясь. Говорков колеблется некоторое время, потом снимает с руки часы и прячет их в карман.

Говорков. Так я же ничего не говорю, Василий Фомич. Я пожалуйста.

Все становятся по местам. Василий Фомич взмахивает рукой.

Говорков (поет). «Все котильоны, все вальсы с Онегиным вы танцевали...»

Клава танцует с Таракановым. Полярный бал в разгаре. В зале шумно, тесно и весело. Барабанщик Костя лихо орудует принадлежностями своей адской кухни. Над головами танцующих теплая вьюга из конфетти и серпантина.

В зале появляется Говорков. Он блуждает среди танцующих в поисках Клавы.

Тараканов подводит Клаву к стулу, усаживает ее, а сам становится рядом в демонической позе.

Из толпы выходит Говорков. Бросается к Клаве. Тараканова он не видит. Музыка играет танго.

Говорков. Я так спешил, Клавочка. Ты давно пришла? Скорей идем танцевать.

Клава. Вы напрасно так торопились. Никуда я с вами не пойду.

Говорков. Не сердись, Клава.

Клава. Я не сержусь.

Говорков. Если бы ты знала, как все хорошо, как я счастлив...

Клава. Даже счастлив?

Говорков. Очень. Что с тобой случилось?

Клава. Ничего не случилось. Только я не люблю ждать.

Говорков. Но ведь я же пришел.

Клава. Могли и не приходиться.

Говорков. Клава, пойдем танцевать!

Тараканов. В части танго Клавдия Васильевна обещались танцевать со мной. *(Обнимает Клаву за талию и, уводя ее, бросает Говоркову.)* Занимайте места согласно купленным билетам.

Под печальные звуки танго Говорков бродит по залу, не спуская глаз с ненавистной спины Тараканова.

Останавливается у чучела свежеевыкрашенного медведя, прислоняется к нему спиной и в муках ревности интенсивно стирает с медведя белую краску.

Тараканов танцует с Клавой.

Тараканов. Я, Клавдия Васильевна, ежедневно работаю над собой. От пяти до шести обедаю, а от шести до восьми работаю над собой. А потом я свободен и культурно развлекаюсь.

Клава. Какой-то вы нудный, Альфред Терентьевич.

Тараканов. Я, Клавдия Васильевна, люблю все красивое. Вот, например, мои отсталые родители дали мне пошлое имя Федор. А я переименовал его и теперь называюсь красивым заграничным именем — Альфред. И от любви я тоже требую в первую очередь красоты...

Клава судорожно вздыхает.

Говорков отделяется от чучела.

В том месте, где к нему прикасалась спина Говоркова, медведь снова стал бурым.

Говорков походкой лунатика идет сквозь толпу танцующих. Все оборачиваются ему вслед и смеются, глядя на его перепачканную краской спину.

Часть четвертая

ВЫСТРЕЛ РАЗДАЛСЯ

Торжественный день первого оперного спектакля в клубе транспортников.

Все происходит так, как об этом, несомненно, мечтал Василий Фомич.

За кулисами тесно, все напряжены, взволнованы. Кто-то потерял усы. Из девушки, поющей Ларину, гримеру никак не удастся сделать старуху. Онегин сел на новый цилиндр и теперь ужасно страдает. Василий Фомич ищет усы, помогает гримировать Ларину, пытается выпрямить цилиндр Онегина. Пот стекает по его доброму лицу.

Третий звонок.

Василий Фомич лезет в люк, ведущий в оркестр, и, стоя в нем по пояс, обращается с напутственным словом к артистам.

Василий Фомич. Я знаю, друзья мои, вы сейчас волнуетесь. Я тридцать лет был на сцене — и все тридцать лет волно-

вался. Это правильно. На сцене нужно волноваться. Но перед тем, как мы начнем этот спектакль, я считаю нужным сказать вам следующее: слово «опера» в переводе на русский язык значит «труд!» (Скрывается в подполье.)

В зрительном зале гаснет свет. Над барьером оркестра появляется Василий Фомич. Он стучит палочкой.

Начинается увертюра к «Евгению Онегину».

Под чуть приглушенные звуки увертюры, доносящиеся из зала, комната за кулисами, где одеваются Онегин и Ленский. Говорков, уже загримированный, но без фрака, наливает из графина воду в стакан. Его руки дрожат.

Онегин никак не может натянуть на ногу классический ботфорт с желтым отворотом. Он прыгает по всей уборной на одной ноге, рычит, вращает глазами.

Говорков смотрит на прыгающего Онегина, и в его глазах Онегин то пухнет до невероятных размеров, то становится микроскопическим.

Онегин (в ярости). Я, кажется, сегодня кого-нибудь убью.

Говорков в изнеможении опускается на стул, на котором стоит уже сильно деформированный цилиндр Онегина. Онегин хватается за голову.

В фойе, у входа в зрительный зал, напирают опоздавшие.

К билетеру подходит толпа мальчиков. Один из них важно предъявляет контрамарку,

Билетер (читает). «Прошу пропустить ребят из 7-го класса Б. Барабанщик К. Полосихин».

Билетер всплескивает руками.

В углу оркестра К. Полосихин испуганно считает такты. Бьет в барабан.

На сцене Ленский и Ольга.

Говорков начинает арию «Я люблю вас, Ольга...». Но на партнершу он не смотрит. Он смотрит в зрительный зал. Зал маленький, и хорошо освещенная сцена дает возможность ясно рассмотреть всех в нем сидящих.

Перед глазами поющего Говоркова проходят одно за другим лица зрителей. Среди них много родных и знакомых. Все пришли посмотреть на триумф Пети Говоркова. Тут и друзья шоферы, которые одобрительно ему подмигивают, тут и мама с Люсей, окончившие от волнения, и жильцы коммунальной квартиры.

«Я люблю тебя, я люблю-у тебя...» — поет Говорков. Но Клавы нет в зале.

Клава в своей будочке, в гараже.

Клава (в телефонную трубку, рыдающим голосом). Сейчас высылаю. Номер 14-18. Товарищ Карпукhin, вам выезжать.

Опершись на свой «Зис» и скрестив на груди руки, стоит Альфред Тараканов.

Клава сдает дежурство другой девушке.

Клава. Скорее, Любочка, скорее, я и так опоздала. (Выбегает из будни и бежит к воротам.)

Внезапно дорогу ей преграждает Тараканов.

Тараканов. Клавдия Васильевна, будем культурно отдыхать. Я приобрел два билета в кино «Ударник»...

Клава. Я иду в клуб.

Тараканов. Клавдия Васильевна, пропадут билеты. Это некультурно.

Клава. Знаете что? Оставьте меня в покое.

Тараканов. Тогда вы идите, Клавдия Васильевна, а я быстренько смотаюсь, продам билеты и тоже приду Петьку слушать.

Клава убегает.

На сцене кончается бал у Лариных. Любители «разогрелись», и все идет как по маслу. Говорков поет с увлечением. Онегин чудится ему Таракановым, Ольга — Клавой. Он по-настоящему ревнует и ненавидит.

Василий Фомич одобрительно кивает ему с дирижерского места.

Действие кончается под гром аплодисментов.

Антракт. Клава пробивается навстречу потоку зрителей, выходящих в фойе.

Она подбегает к барьеру оркестра, где никого уже нет, и только Василий Фомич, тихо топя ногами, трагическим шепотом распекает юного барабанщика.

Василий Фомич. Ты что, смерти моей хочешь? Ты хочешь опозорить меня на весь мир?

Барабанщик (радостно). Василий Фомич, к вам пришли.

Пользуясь тем, что Василий Фомич отвернулся, мальчик исчезает.

Клава (перегнувшись через барьер). Вы Василий Фомич. Я знаю...

Василий Фомич. Завтра, юноша, завтра...

За спиной Клавы возникает фигура Тараканова. Ни Клава, ни Василий Фомич не видят его. Он садится на стул в первом ряду и прислушивается к их разговору.

Клава. Нет, мне нельзя завтра. Мне обязательно надо сегодня увидеть...

Василий Фомич (нетерпеливо). Кого — увидеть? Меня — увидеть?

Клава. Петю. Понимаете? Говоркова. Меня не пустили за кулисы. А я должна его увидеть. Немедленно. Понимаете?

Василий Фомич. Не понимаю. Случилось какое-нибудь несчастье?

Клава. Хуже. Он все время писал мне письма. Мы поссори-

лись... но это неважно. Сегодня он написал, что если я не приду на спектакль, то он... он... не будет больше меня любить. Но это тоже неважно.

Василий Фомич. А что же важно?

Клава начинает тихо плакать, вытирая глаза собранным в комочек платком.

Тараканов встает и, крадучись, уходит.

Василий Фомич *(вдруг страшно пугается)*. Ну голубушка, ну умоляю вас, ну серьезно... В такой день... Он вернется, ваш юноша.

Клава. Да не он вернется. Я хочу вернуться.

Василий Фомич. Вот и отлично. Вот и вернетесь после спектакля.

В оркестре появляются оркестранты. Гаснет свет.

В артистической уборной — Говорков, готовый к выходу. Он в плаще и в громадном цилиндре.

В уборную входит Тараканов.

Тараканов. Ай-яй-яй, какие интересные шляпки носила буржуазия.

Говорков. Ладно, ладно, какие надо, такие носила. Тебе чего?

Тараканов. Известная вам Клавдия Васильевна Белкина просит вас, гражданин Говорков, прекратить некультурное отношение,

Говорков. Ой, Тараканов, схлопочешь ты у меня сегодня по морде!

Тараканов. Ноль внимания, фунт презрения.

Говорков. Пошел вон!

Тараканов. И просили передать вам, чтобы вы не утруждались больше писать письма, поскольку гражданке Белкиной их противно читать.

Говорков бросается на Тараканова, но тот исчезает.

В оркестре первые такты вступления к сцене дуэли.

Клава сидит в первом ряду. Возле нее пустой стул.

Раздвигается занавес. На сцене — полотняный лес и маленькая мельница. На первом плане деревянный обрубок, покрытый куском ваты. Суровая оперная зима.

Рядом с Клавой садится Тараканов.

На сцену выходит Ленский в сопровождении секундантов. Глаза его блуждают. Но первые несколько реплик картины проходят гладко. Говорков садится на деревянный обрубок и кладет голову на руку.

Оркестр играет интродукцию к арии «Куда, куда вы удалились...».

Говорков поднимает голову, смотрит в зрительный зал и сразу же видит: в первом ряду, прямо против него, сидит Клава. Ей что-то шепчет Тараканов.

Говорков вздрагивает, глаза его стеклянеют, и он погружается в прострацию.

Клава (*Тараканову*, злым шепотом). Если вы от меня не отстанете, я милицию позову.

Тараканов. Клавдия Васильевна, я культурный человек и требую к себе чуткого отношения.

Клава. Боже, какой идиот!

Тараканов (*самодовольно улыбается, крутит усики*). Вы так думаете?

Василий Фомич делает знак Говоркову начинать. Лицо его безмятежно. Он предвкушает триумф своего питомца. Но происходит нечто ужасное. Питомец молчит.

Лицо Василия Фомича искажается.

В оркестре смятение и разноголосица.

Суфлер (*громко шепчет*). «Куда, куда вы удалились...»

Говорков (*неожиданно начинает петь речитатив из сцены бала*). «Все котильоны, все вальсы с Онегиным вы танцевали». (*Рыдающим голосом*). «Я приглашал вас и был отвергнут».

Василий Фомич (*подсказывает громко*). «Куда, куда вы удалились...»!.. С ума ты сошел?!

Друзья шоферы из публики (*громко кричат*). «Куда, куда вы удалились...»!

Клава закрывает лицо руками.

Оркестранты встают и смотрят на сцену.

Тараканов удовлетворенно покручивает усики.

В а с и л и й Ф о м и ч . Занавес!

Из-за кулис выбегает разъяренный Онегин, с дуэльными пистолетами в руках и стреляет в Ленского. Из дула пистолета вырывается сноп пламени. Говорков поднимается наконец со своего обрубка, сослепу, шатаясь, бредет по сцене и опрокидывает куст. На сцене — полный развал.

Наконец дают занавес, но правая его половина заедает. Задвигается только левая. Видно, как по сцене в страшной панике бегают люди.

Говорков входит в свою уборную и срывает с себя костюм Ленского. Швыряет цилиндр в графин с водой. Графин опрокидывается. Льется вода.

В комнату вбегает Клава.

Клава. Петенька...

Г о в о р к о в (злбно *смотрит на нее*). Убирайтесь! Все убирайтесь! Понятно?

Клава резко поворачивается и выбегает.

Уборная наполняется народом. Здесь шоферы — друзья Говоркова, участники спектакля, оркестранты. Все что-то кричат и размахивают руками. Последним входит Василий Фомич. Наступает тишина.

Василий Фомич (кратко). Что вы наделали?

Говорков (орет). Ну, чего? Не нужна мне ваша жалость. Понятно? (*Рыдающим* голосом.) Убирайтесь! Все убирайтесь!

Часть пятая

ДРУЗЬЯ

На следующее утро в комнате Говоркова.

Говорков сидит на небубранной постели, полуодетый, запустив пальцы в растрепанные волосы. Поза его выражает отчаяние. На столе, рядом с кроватью, пепельница, заваленная окурками. Рядом с ней — парик Ленского.

У окна Люся собирает книги, чтобы идти в школу.

Мать сидит за столом и вытирает полотенцем стаканы.

Люся. Скорей одевайся, а то опоздаешь.

Говорков молчит.

Мать. Иди, иди, Люшенька. Петя сегодня в вечерней смене.

Верно, Петенька?

Говорков молчит.

Люся уходит.

Мать. Хоть бы чаю выпил.

Говорков молчит.

Мать. Я творог сегодня купила. Хочешь? С сахаром.

Говорков молчит.

Мать. Может, за папиросами сбежать?

Говорков молчит.

По лестнице дома, где живет Говорков, робко и неуверенно поднимается Клава. Останавливается у двери, тянется к звонку, потом отдергивает руку, прислушивается, снова хочет позвонить и опять не решается. Начинает медленно спускаться с лестницы. У выхода на улицу она сталкивается с Василием Фомичом. Он уступает ей дорогу.

Снова комната Говоркова. Он сидит в прежней позе.

Стук в дверь. Мать открывает, и в комнату входит Василий Фомич. Он спокоен и деловит.

Говорков сидит в прежней позе, не поднимая головы.

Василий Фомич (матери). Ночь, конечно, не спал?

Услышав голос Василия Фомича, Говорков вскакивает, но Василий Фомич не обращает на него никакого внимания.

Мать. Ну вот ни капельки не спал.

Василий Фомич. Отлично. Так и должно быть. Плакал?

Мать. Нет. Плакать не плакал.

Василий Фомич. Вот это хуже. Наверно, всю ночь курил?

Мать. Курил, одну за другой курил.

Василий Фомич. Все как по нотам. Когда я в первый раз провалился в Харькове, я выкурил за ночь сто пятьдесят папирос. (Искоса поглядывает на Говоркова.) Форточку надо открыть. А курить — совсем бросить.

Говорков. Простите меня, Василий Фомич. Я был дурак. Я сам не знал, что делаю.

Василий Фомич. Правильно, юноша, правильно. И я тоже не знал, что делал, когда провалился в Казани. (Обнимает Говоркова.)

Мать на цыпочках уходит из комнаты.

Василий Фомич (ласково похлопывая Говоркова по спине). Итак, юноша, к пяти часам утра вы решили, что жизнь кончена? Правда? Было такое?

Говорков. Было.

Василий Фомич. А потом вы стали думать, что так все было хорошо раньше: вы ездили в такси, пели песни, знакомые вас похваливали, девушки вас любили... И вдруг появился этот старый дурак Василий Фомич и все испортил. Пообещал с три короба — славу, успех, победу... И обманул вас. Думали так?

Говорков (со вздохом). Думал.

Василий Фомич. Значит, споткнулся — и сразу вдребезги?

Говорков. Так ведь трудно мне.

Василий Фомич. Вот, вот, это самое. Трудно. А вы думали, что стать артистом — легко? Собинов проваливался, Баттистини проваливался, Василий Македонский проваливался четыре раза. Один Говорков не хочет проваливаться. Понимаете, не хочет. Знайте, юноша, что провал — это не самое трудное. То, что сейчас вам предстоит, гораздо труднее. Будут горести, будут жертвы, обиды. И будет очень много тяжелой работы. Послушайте, что я вам скажу. (Усаживает его на кровать и сам садится с ним рядом.)

По лестнице поднимается группа людей. Среди них приятели Говоркова — шоферы, нервный Онегин, краснощекая юная Ларина, скрипач из оркестра.

Первый шофер. Вы подождите, ребята, неудобно всем сразу лезть. Человек в таком состоянии...

В комнате Говоркова.

Говорков. Вы говорите — учиться. А на какие деньги? А работать кто будет? У меня семья на руках.

Василий Фомич. Да, об этом я не подумал.

Стук в дверь. Входит первый шофер. Он смущен и от смущения развязен.

Первый шофер (суетливо). Здорово, Петя! Интересная у тебя комната. А! Мое почтение! (Здоровается с *Василием Фомичом*.)
Погода сегодня прямо весна.

Стук в дверь. Входят Ольга с Онегиным.

Ольга. Здравствуйте, Василий Фомич... Как неожиданно. Ах, как вы высоко живете, товарищ Говорков. Прямо кошмар! (Первому *шоферу*.) Ах, вы здесь? Погода сегодня...

Онегин. Прямо весна.

Стук в дверь. Входят сразу четыре человека.

Второй шофер. Погода сегодня... (Смущенно *кашляет*.)

Василий Фомич. Прямо весна?

Второй шофер. Вот именно.

В дверь без стука вваливаются пять человек.

Говорков. Что ж вы стоите, товарищи, присаживайтесь. Вот только...

Немая сцена рассаживания на трех стульях, кровати и обеденном столе двенадцати человек.

Первый шофер. Так что ж получается, товарищи? Налицо все пять членов месткома. Вроде как бы собрание. Будем считать, как говорится, открытым?

Онегин. Валяй, валяй, Малышев, чего там размазывать!

Первый шофер. Так, если позволите, товарищи, я коротенько. Что мы имеем? Мы имеем, товарищи, талант, который, товарищи, как бы сказать, находится среди нас. А к чему, товарищи, зовет нас партия и наше правительство? К тому, чтобы таланты расти и так далее.

Онегин. Правильно»

Первый шофер. Товарищи, не будем играть в кошки-мышки и так далее. Тут поступило предложение. Для заслушания имеет слово товарищ Лисицина.

Ольга (волнуясь). От имени группы работников нашего гаража № 87 имеется предложение послать товарища Говоркова для обучения в государственную консерваторию.

Все аплодируют. Говорков стоит совершенно остолбеневший.

Первый шофер. Так что ж, товарищи, чем будем считать эти аплодисменты?..

Листок бумаги, на котором женская рука заполняет графы шоферской путевки.

На листок падает капля. Чернила слегка расплываются. Теперь видно, что листок заполняет Клава.

Кончив писать, она протягивает листок в окошечко, отсылая в очередной рейс очередного шофера.

Шофер отходит от окошечка и показывает листок товарищам, кучкой собравшимся у верстака и что-то обсуждающим.

Шофер. Плачет!

Шоферы сокрушенно качают головами. Сразу видно, что судьбой Клавы заинтересован весь гараж.

Особняком держится один Тараканов. Он развалился на заднем кресле своего «Зиса» и разглядывает себя в карманном зеркальце.

В гараж входит Говорков.

Все взоры устремляются на него. Клава вздрагивает и искоса на него поглядывает. Она очень взволнована. Ей видно, как Говорков подходит к группе шоферов, смеясь, о чем-то говорит с ними, прощается, подходит к своей машине, достает из нее комбинезон и рукавицы. Потом, точно прощаясь с конем, похлопывает машину по радиатору. Наконец, вздохнув, поворачивается — и встречается с Клавой. Она отводит глаза.

Говорков решительно направляется в ее сторону.

Весь гараж наблюдает за влюбленными: один из шоферов замер с паклей в руке; жевавший перестал жевать; барабанщик Костя смотрит из-под машины; дверь с надписью «Завгар» приоткрывается, и оттуда высовывается усатая голова.

Говорков у окошечка Клавы.

Говорков. Клава, ты послушай... Это, знаешь, трудно сказать. Все как-то перепуталось. Я, конечно, виноват. Но, по-моему, нужно просто. Если ты меня любишь, давай мириться.

Клава на минуту отворачивается. Зрителю видно, как лицо ее светлеет. Говорков этого не видит. В сердце девушки возникает

то, что так часто мещает примирению влюбленных, — стремление помучить, гордость, потребность укрепить свою власть.

И когда Клава поворачивает свое лицо к Говоркову, оно выражает полнейшее равнодушие.

Клава. Ну, а если не люблю?

Говорков оглушен. Секунду он смотрит перед собой, потом резко поворачивается и быстро выходит из гаража.

Все это так неожиданно для Клавы, что она вскакивает со своего места, хочет выйти из будочки, снова садится, снова вскакивает.

Она не бежит за Говорковым только потому, что в этот момент десятки глаз устремлены на нее.

Тараканов вылезает из автомобиля, подходит к двери гаража и тщательно ее закрывает.

Тараканов. Расстались гордо мы... (Он подходит к Клаве.) Или вы выходите за меня замуж, или — одно из двух!

Клава смотрит на Тараканова невидящим взглядом.

Тараканов. Товарищ Белкина! Будьте взаимно вежливы!

Клава, не глядя на Тараканова, выскакивает из будки и подбегает к двери завгара.

Она распахивает ее — и оказывается лицом к лицу с усатым толстяком.

Клава. Степан Степаныч! Не нашли еще завгара в Подольск? Я поеду!

Клава с чемоданом и корзинкой выходит из поезда на маленькой станции.

Комната Василия Фомича. Это типичная комната старого актера: с засохшими венками на стенах, с коробкой из-под цилиндра на большом зеркальном шкафу; со стареньким фортепьяно, над которым висит множество фотографий усатых актеров в гриме и без грима, с надписями. За фортепьяно — Василий Фомич. Рядом стоит Говорков и, зажав в зубах карандаш, поет экзерсисы.

Говорков в своей комнате, стоя у окна, поет экзерсисы. Вечер. Люся сидит за столом, зажав руками уши, и зубрит.

Та дама, которую мы когда-то видели в японском халате с драконом, мечется у себя в комнате из угла в угол, потом подбегает к стене и начинает стучать в нее кулаками.

Большой консерваторский класс. Это комната с голыми стенами, в которой стоят только два рояля и десяток стульев, выстроен-

ных вдоль стены. За роялем — полная женщина со старомодной прической. У рояля, глядя в окно, стоит Говорков и поет экзерсисы.

Перед ним, за окном, характерный кусочек городского пейзажа: чахлое деревце, верхняя часть водосточной трубы, угол крыши двухэтажного московского домика, окно этого домика с ватой, положенной между рамами. Этот кадр и несколько дальнейших кадров проходят перед зрителем под монотонные звуки экзерсисов.

На крыше лежит смерзшийся снег. Ветви дерева голы. С водосточной трубы свисает большая сосулька.

Тот же пейзаж. Снега на крыше уже нет. Нет и сосульки. На дереве набухают почки. В открытом окне стоит женщина в подоткнутой юбке и моет стекло. Очень много солнца.

То же окно с закрытыми шторами. То же дерево, покрытое листьями. Та же труба. Та же крыша. На крыше греется кот.

Экзерсисы все продолжают. Тот же пейзаж. Ветер гонит по крыше сухие листья, раскачивает ветви почти голого дерева. Все это видно сквозь стекло, покрытое каплями дождя. Потом по стеклу текут потоки, и пейзаж исчезает.

То же дерево, теперь покрытое снегом. Но домика уже нет. Вместо него — кирпичная стена нового дома с окнами, забитыми фанерой, в которой вырезаны небрежно застекленные четырехугольники.

Экзерсисы продолжают.

На дереве перед окном опять набухли почки. Теперь здесь новый дом, белый, светлый, с широкими окнами. Виден балкон, по которому бегают маленькая девочка.

Рама окна, сквозь которое смотрит Говорков. Затем *мы* видим Говоркова, поющего экзерсисы, преподавательницу, сидящую за роялем, и, как прежде, пустой и холодный консерваторский класс, где ничего не могло измениться. Изменился только Говорков. Он немного возмужал и похудел. Он в другом costume.

Преподавательница. Ну, довольно. Теперь давайте Глинку.

Она играет вступление к романсу Глинки «Я помню чудное мгновенье». Говорков поет. Он поет великолепно, с большим вдохновением и вкусом.

Он кончает, прощается с преподавательницей и раскрывает дверь в коридор.

За дверью собралась большая толпа консерваторских учеников. Они слушали пение.

Смущенный их вниманием, Говорков проходит сквозь толпу и идет по коридору. Из всех дверей, выходящих сюда, слышна музыка, странная музыка консерваторского коридора: виртуозно исполняемые на рояле гаммы перемежаются мягкими звуками валторны, ученическим скрипом скрипок и визгливыми голосами певиц.

Говорков выходит из подъезда консерватории и останавливается в раздумье. Ему, видимо, все равно, куда идти.

Он медленно идет вдоль улицы...

Весенняя Москва. Солнце, сверкающее в автомобильных фарах.

Корзины с мимозами на углах улиц.

Говорков на перекрестке. Он покупает большую ветку мимозы. Некоторое время колеблется. Потом решительно сворачивает в переулок.

Снова весенние московские пейзажи. Все эти куски, начиная с выхода на улицу, сопровождаются оркестровой разработкой романса «Я помню чудное мгновенье».

Говорков останавливается у входа в гараж, где он когда-то работал.

Минуту колеблется. Потом входит. Здесь все по-прежнему. Солнечный свет, падающий из высоких окон. Лужи воды на цементном полу. Несколько автомобилей.

К Говоркову подбегает первый шофер.

Первый шофер. А, Ленский! Ну, как дела? Что ж ты никогда в гараж не зайдешь?

Говорков. Ведь мы же и так видимся. (В замешательстве.) Ну, а как у вас тут?

Первый шофер. Все по-прежнему. Только Тараканова нет. Ушел в другой гараж, собака. За длинным рублем.

Говорков. Ну!

Из диспетчерской будки слышен телефонный звонок. В окошечко видно, как женская рука берет трубку.

Говорков замирает, прижав ветку мимозы к груди. Потом изгибается, чтобы взглянуть в окошечко, и видит... хорошенькую девушку Клавиных лет, сидящую на Клавином месте.

Говорков (шоферу). А... Белкина, в вечерней смене сегодня?

Первый шофер. Она уже год, как у нас не работает. А ты разве с тех пор ее не видел?

Говорков. Н-нет, с тех пор не видел.

Говорков звонит у чьей-то двери. Женщина с засученными рукавами отпирает.

Говорков. Белкина Клавдия Васильевна дома?

Женщина. Белкина больше здесь не живет.

Говорков у будки справочного бюро. Девушка протягивает ему справку. Он читает:

«Клавдия Васильевна Белкина, 19 лет. В Москве не проживает».

Часть шестая

АПОФЕОЗ

Зрительный зал оперного театра. Начинается увертюра к «Евгению Онегину». Занавес, освещенный снизу.

В оркестре все те же «суровые будни». Та же арфистка, что и вначале, читает роман. На этот раз роман, очевидно, смешной, и она улыбается. Продолжая улыбаться, поворачивается к арфе и берет два аккорда.

Фаготист читает «Вечернюю Москву». Судя по мрачному выражению лица, он читает отдел происшествий.

В комнатке, рядом с оркестром, играют в домино два человека. Вдруг они поднимаются, как заводные, и идут к двери. Входят в оркестр в тот самый момент, когда дирижер дает им вступление. Один из них сильно бьет в турецкий барабан. Другой ударяет в тарелки. Сделав свое дело, они тотчас же уходят.

На сцену бегут Ларина и няня. Пробегают мимо пожарного. Татьяна смотрит через дырочку занавеса в зал.

В уборной гримируется Говорков.

Василий Фомич, в старомодном сюртуке и галстуке, напоминающем бабочку махаона, торжественно разбивает яйцо о край стакана и сливает белок.

Говорков. Нет, Василий Фомич, это ни с чем нельзя сравнивать. Вот если бы я своей машиной ударил человека, — ей-богу, мне не было бы так страшно, как сейчас.

Василий Фомич (проникновенно). Помни, Петя: с сегодняшнего дня ты — профессиональный артист. Ты можешь волноваться, страдать, ты можешь быть даже болен. Но петь ты обязан всегда хорошо. (Протягивает ему стакан.) Пей.

На сцене Татьяна и Ольга поют дуэт «Слыхали ль вы...».

Ложа бенуара, рассчитанная на шесть человек. В ней сейчас не менее пятнадцати. Тесно сгрудившиеся, взволнованные и бледные, здесь собрались все друзья Говоркова. Впереди, прижатые к барьеру, сидят мать и Люся.

За кулисами, у самого выхода на сцену, стоят Говорков, в costume Ленского, и пожилой актер, в costume Онегина. В последнюю минуту перед выходом актер обнимает Говоркова и слегка похлопывает его по спине.

Пожилой актер. Ну, смелей! Сразу же смотрите на дирижера. Пошли.

Он подталкивает Говоркова, и они выходят на сцену.

Бревенчатая комната, какие бывают в зимних подмосковных дачах. За столом с книгой сидит Клава. Она увлечена чтением. Против нее в кресле сидит старушка в очках и дремлет.

На столе — репродуктор. Идет трансляция «Евгения Онегина». Голос Говоркова из репродуктора: «Мэдам, я на себя взял смелость привести приятеля. Рекомендую вам. Онегин — мой сосед...»

Клава вскакивает.

Старушка просыпается и смотрит на нее со страхом. Клава хватается за плечо.

Клава. Это он, бабушка, честное слово! Это его голос. *(Замирает у репродуктора.)*

Васлий Фомич за кулисами отбивает такт ногой. Только теперь видно, как он волнуется. К нему подходит помощник режиссера со свернутой в трубку тетрадь в руках.

По м р е ж . Поверьте мне, Василий Фомич, этот споет. Он всем покажет. Я такого тембра тридцать лет не слышал.

В а с и л и й Ф о м и ч . Да, да, да. Подождите, подождите, что дальше будет... Еще ничего не известно.

На сцене Говорков начинает петь арию «Я люблю вас, Ольга...». Он теперь спокоен. Правда, вместо того чтобы смотреть на свою партнершу, он не спускает глаз с дирижера, но голос его звучит превосходно.

В ложе друзей пятнадцать пар глаз устремлены в одну точку.

В амфитеатре сидит дама с драконом. Теперь она расфуфырена в худшем смысле этого слова. Она пихает своего соседа локтем.

Д а м а с д р а к о н о м . Этот, который поет Ленского, живет в нашей квартире. Ей-богу!

Клава у репродуктора. Она в пальто и берете.

Б а б у ш к а . Ну куда ты поедешь на ночь глядя?

К л а в а . Тише. *(Слушает.)*

Говорков на сцене кончает арию. Аплодисменты.

Клава под аплодисменты, несущиеся из репродуктора, идет к двери.

Бабушка бежит за ней.

Б а б у ш к а . Ты что это выдумала? Никуда я тебя не пушу.

К л а в а (со слезами). Да перестаньте вы, бабушка, не мучьте меня. Ведь до города всего сорок минут. Я же на поезд из-за вас опоздаю, на восемь двадцать.

Убегает.

Улица маленького подмосковного городка. Зима.

Клава бежит по улице.

Фасад Большого театра. Театральная площадь.

Тараканов дремлет в своем «Зисе», поджидая пассажиров.

Перрон дачной станции. Клава ждет поезда.

В темноте возникает глаз электрички. Освещенный вагон останавливается перед Клавой. Она вскакивает на площадку.

Поезд гудит и трогается с места.

Сцена Большого театра. Говорков начинает арию «В вашем доме...».

Оркестр. Арфистка забыла о своей книге. Книга валяется рядом с арфой. Арфистка внимательно слушает.

Фаготист, держа развернутый лист газеты за уголок, встал со своего места и смотрит на сцену.

Оркестрант застыл с тарелками в растопыренных руках.

К Василию Фомичу, стоящему за кулисами, подходит старик рабочий со стулом.

Рабочий. Вы бы сели, Василий Фомич.

Василий Фомич. После, после...

Рабочий. А ведь я помню, как вы это пели, Василий Фомич.

Василий Фомич. Бросьте, Никита Иванович, я так никогда не пел.

В ложе друзей Говоркова. Первый шофер и Онегин стоят на одном стуле, слившись друг с другом, как сиамские близнецы. То, что они сохраняют равновесие и не падают со стула, можно объяснить только чудом.

Говорков на сцене кончает арию. Аплодисменты.

Клава в вагоне поезда. Она нервничает. Глядит в окно.

В окне проносятся путевые огни. На горизонте возникает электрическое зарево столицы.

Конец антракта в Большом театре. Сейчас в ложе только мать и Люся.

Люся. Не плачьте, мама. Люди смотрят. Спрячьте платок. Третий звонок. Гаснет люстра.

Говорков в своей уборной. Он сидит в изнеможении, как боксер в перерыве между раундами. Пот стекает по его заgrimированному лицу.

Василий Фомич обмахивает его полотенцем и пудрит.

Говорков. Если вы спросите меня сейчас, счастлив ли я, я отвечу вам; я счастлив, но не так, как если бы...

Василий Фомич. Знаю, знаю... Если бы Клава была здесь. Я слышал это от тебя тысячу раз, А теперь слышать не хочу. Нашел о чем говорить перед выходом.

Клава выходит из дверей вокзала, сбегает по ступеням, вскакивает в автобус.

Дирижер взмахивает палочкой» Занавес раздвигается.

Клава бежит под портиком Большого театра.

Говорков выходит на сцену.

Клава распахивает какую-то дверь. Привратник преграждает ей дорогу. Она отталкивает его и мчится вверх по лестнице.

Снова дверь, снова привратник.

Клава. Мне Говоркова.

Привратник, Нельзя на сцену.

Клава молча пробегает мимо. Чем дальше Клава бежит, тем явственнее становятся звуки оркестра.

В кулисах Василий Фомич. Он напряженно слушает. Оркестр играет интродукцию к арии «Куда, куда вы удалились...».

Клава (*отчаянным* шепотом). Василий Фомич!

Василий Фомич. Тише, тише. (*Обнимает ее за плечи.*)

Они замирают. Говорков начинает петь последнюю арию Ленского. Все женщины в первом ряду кажутся ему Клавами.

Ария с начала до конца.

Говорков кончает петь.

Овации.

У Василия Фомича и у Клавы по щекам катятся слезы. Клава делает попытку уйти, но Василий Фомич удерживает ее за руку,

Василий Фомич, Куда вы?

Клава. Домой.

Василий Фомич. Ладно, пойдём. (*Уводит ее.*)

На сцену выходят кланяться Онегин и его секунданты.

Занавес опускается.

В ложе друзей царит всеобщий восторг.

Друзья обнимают друг друга. Бешено аплодируют. Им теперь так тесно, что они выпирают из ложи, как опара из формы. Маленький Онегин с горящими глазами неистовствует больше всех. Он перегибается через барьер ложи все дальше и дальше. Наконец верхняя часть его тела перевешивает, и он с криком: «Говоркова! Говоркова!» — падает в партер. Лететь ему невысоко — всего один метр. Поэтому он тотчас же вскакивает на ноги и продолжает орать.

Говорков один раскланивается перед занавесом.

Из оркестра ему аплодируют музыканты.

Говорков под руку с Василием Фомичом подходит к дверям уборной.

В а с и л и й Ф о м и ч . А какой я тебе лавровый венок приготовил!

Жестикулируя, он подводит Говоркова к двери уборной и распахивает ее.

Говорков видит Клаву.

В театральном буфете. Идет пир горой. На столе батарея бутылок с так называемым «Театральным напитком». Друзья Говоркова сдвигают бокалы.

Из театрального подъезда выходят Клава, Василий Фомич и Говорков.

Подходят к такси, стоящему у театра.

В а с и л и й Ф о м и ч . Ну, друзья мои, вы меня извините, но я вас оставлю. Дела, дела...

Говорков и Клава. Куда вы, Василий Фомич, голубчик?

В а с и л и й Ф о м и ч . Старики не должны мешать молодым. Я уж как-нибудь на двух трамваях доберусь. (Убегает.)

Говорков и Клава усаживаются в машину.

Ш о ф е р . Куда ехать?

Он оборачивается. Влюбленные узнают Тараканова. Тараканов узнает их.

Говорков. Прямо. (Неопределенно машет рукой.)

Тараканов громко вздыхает и трогает с места.

Автомобиль удаляется.

1939г